

*Профессорско-преподавательская корпорация
Московской духовной академии, 1963 год
К. Е. Скурат – третий слева в верхнем ряду*

Перенимая опыт...

Воспоминания заслуженного профессора Московской духовной академии Константина Ефимовича Скурата

В разрядном списке выпускников Московской духовной академии я занял третье место, и меня оставили при ней в качестве профессорского стипендиата по кафедре истории Русской Церкви и сразу же дали тему для стипендиатского отчета: «Митрополит Московский Платон (Левшин), его жизнь и деятельность». Осенью 1955 года мне по совместительству со стипендиатством предложили преподавать катехизис. Хотя я его хорошо изучал в Минской духовной семинарии (даже переписал слово в слово, чтобы иметь постоянно на своем столе), получив назначение преподавать другим, я снова стал изучать его самым тщательным образом, так что в первый учебный год уже знал

весь наизусть – от и до. Шел я на первый урок так легко и радостно, что ноги, казалось, не касались железных ступеней между площадками. Я и теперь хожу по той же лестнице, но это уже другая походка, хотя и она не лишена радости. В пятидесятые годы в Академии строго держались практики: на первый урок нового преподавателя ведет и представляет классу инспектор Академии или же сам ректор. Николай Петрович Доктусов (инспектор) после прочтения молитвы перед уроком представил меня классу, призвал воспитанников «любить и жаловать» и сразу ушел. В этом поступке инспектора я еще раз почувствовал опытность педагога, чем он выделялся и во время чтения лекций.

Именно он занимался с нами теорией и практикой преподавания. Каждый из выпускников Академии провел в присутствии инспектора один урок в Семинарии – 45 минут. Следующие 45 минут мы все собирались в своей аудитории и под руководством Николая Петровича анализировали занятие. Эта практическая работа очень помогла мне на первом же моем уроке. Я понял, что Николай Петрович ушел, чтобы не смущать меня и предоставить мне полную свободу. Думаю, что я воспользовался этим сполна. Сужу так, потому что в течение полутора часов (тогда именно столько длились лекции) я смог удержать внимание всех моих слушателей.

Педагогическая практика

После двух-трех занятий я почувствовал себя вполне уверенно. Правда, я много готовился к каждому уроку – в класс шел, как на экзамен. На протяжении многих лет преподавания я никогда не приходил к студентам, будучи неготовым к занятию. Первые годы я излагал новый материал, прохаживаясь по аудитории. Это было и хорошо, и не очень: хорошо потому, что никто ничем посторонним не занимался, да и вздремнуть не мог; не совсем хорошо потому, что своим хождением я мешал воспитанникам быть сосредоточенными (хождение отвлекает внимание). Это я впоследствии заметил и стал излагать материал, находясь только на кафедре – сначала стоя, к преклонным годам – сидя. А вот опрос проводил я все же прохаживаясь по аудитории. Этот метод практикуется мной и сейчас. Он хорош тем, что во время опроса работает весь класс или курс. Я могу в течение нескольких секунд поднять многих, и повторить это не один раз. Все должны быть начеку от начала и до конца опроса. Такой метод помогает за короткое время выявить полную картину готовности студентов. Сразу же после их ответа я вслух его оцениваю. Оценка может измениться при повторном ответе... Массовые опросы приводили к полной подготовке по катехизису. Это отметил в своей «Оде», посвященной VII выпуску (нашему), отец Алексей Остапов – отметил красноречиво и со свойственным ему юмором:

В среду вечером усердно
Катехизис все долбят:
Завтра, может быть... наверно!
Гибель близка для ребят.

Сам не так уж стар годами,
Да и стаж не так велик,
Но познаниями, скажем,
Константин Скурат старик.

Столь много внимания уделил я катехизису по простой причине: это мой первый предмет, с ним я

делал первые шаги, и его же глубоко любил, почувствовал с ним некое неразрывное духовное единство. Но, к моему прискорбию, Ученый совет Московской духовной семинарии нашел необходимым в сентябре 1958 года перевести меня на другую кафедру – историческую (общая церковная история).

Слава Богу, решением того же Совета от 30 августа 1979 года возвращен мне любимый катехизис близкого моему сердцу святителя Филарета (Дроздова)... Теперь, раскрывая догматические и нравственные темы данной дисциплины, я уже не хожу по аудитории, а сижу на кафедре, но, как и в 1955 году, вижу весь класс, чувствую и биение его пульса, и ослабление. Свое занятие я строю так: сначала записываем темы, затем я их раскрываю, дальше делаю маленькую паузу, чтобы переключиться ко второй части урока – ответам на вопросы. Я стараюсь отвечать на все вопросы, но так как их нередко бывает много, а подходить выборочно – непедагогично (и не по-христиански), я поступаю таким образом: на одном уроке слушаю вопросы и даю на них ответы в строгой последовательности слева направо, а на другом – с обратной стороны, справа налево. Такой способ дает полную возможность за два занятия ответить на все вопросы. Вместе с тем «переменная очередность» позволяет не затягивать вторую часть за счет первой. После ответов на вопросы я опять-таки делаю небольшую паузу и перехожу к третьей части урока – к опросу учащихся. Спрашиваю недолго, чтобы успеть опросить как можно больше студентов. Оценки за ответы оглашаю во всеуслышание. Поначалу делать это было непросто, но сейчас я уже не испытываю каких-либо затруднений. Объявление отметки имеет немалое значение и для преподавателя, и для учащегося – обязывает быть строго объективным. Нужно ли говорить о том, какое нравственное значение имеет такой метод?

Патрология

За время моего 49-летнего служения в Московских духовных школах мне пришлось преподавать разные предметы. Примечательно, что сам я ни о чем не просил – все складывалось само собой – вернее, при чудесном действии Промысла Божия. Например, я всегда любил читать творения святых отцов, но о преподавании патрологии не смел и думать. Призвал меня на эту кафедру, верю, Сам Господь и Своей всемогущей десницей удерживает на ней вот уже 41 год. Произошло это так: летом 1963 года скончался профессор протоиерей Петр Гнедич, преподававший патрологию (доникейский период) на II курсе Духовной академии. Совет Академии предложил читать эти лекции мне. В 1968 году профессор Михаил Агафангелович Старокадомский, будучи уже в преклонных летах, отказался от чтения лекций по патрологии на III курсе

(«Золотой век» святоотеческой письменности) – его курс также был поручен мне. Таким образом, Совет Академии поручил мне преподавать весь курс патрологии. Разве это не милость Божия! Разве нет здесь молитвенного участия тех святых Отцов, к которым я всегда имел глубокое благоговение? Изучая их творения, читая их на лекциях, я стараюсь, прежде всего, быть с ними в постоянном молитвенном общении. Ни одной работы по святоотеческому наследию я не начинал, не призывая святых Отцов на помощь... И какое неземное счастье чувствовать себя под постоянным покровительством великих предстателей у Престола Божия! Понять это может только тот, кто на себе, на своем собственном опыте, в своей жизни испытал это... Слава Богу и благодарение святым Отцам, что мне дана возможность и сегодня – на 75-ом году плаванья по бурному житейскому морю – продолжать, несмотря на мои немощи, погружаться в неисчерпаемые глубины богопросвещенных святоотеческих наставлений, исповедующих вечную Истину и утверждающих ее.

Мои защиты

В годы, когда я учился в Московской духовной академии (1951-1955), все выпускники обязаны были писать курсовые сочинения. Эти сочинения мало чем отличались от современных кандидатских диссертаций, но назывались более скромно – «курсовые». Назначались два рецензента, которые свои отзывы читали на весеннем заседании Ученого совета. Если они находили работу хорошей, то рекомендовали Совету присвоить выпускнику первую ученую степень кандидата богословия. На защиту выпускник вызывался только в том случае, если у членов Совета возникали какие-либо сомнения. Но это было очень редко. Как правило, присуждали ученую степень или возвращали работу по решению Совета без вызова выпускника.

Моя курсовая работа «Христианское учение о молитве и ее значении в деле нравственного совершенствования» была оценена высшим баллом, и поэтому меня в начале июня 1955 года удостоили ученой степени кандидата богословия. Я был оставлен при Академии в качестве профессорского стипендиата, а осенью получил уроки по катехизису в первых двух классах Семинарии. Восемь лет я преподавал только в Семинарии. В 1963 году, как отмечено выше, мне дали курс патрологии в Академии. В конце декабря того же года я прочитал пробную лекцию на тему: «Учение святого Иринея Лионского о Предании». Лекция была признана достаточной, но звание доцента мне не присвоили. Этого звания удостоил меня сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей I указом, вышедшим к 150-летию пребывания Московской духовной академии в Свято-Троицкой Сергиевой

Лавре 14 октября 1964 года. Этим же указом был награжден и ряд других преподавателей Московских духовных школ.

Перед празднованием юбилея Академии сразу после престольного праздника Покрова Божией Матери ректор Академии протоиерей Константин Ружицкий призвал всех молодых преподавателей брать темы для магистерских диссертаций. Я сразу откликнулся на этот зов и приступил к работе над темой «Сотериология святого Афанасия Великого». Выполнение работы потребовало немало сил (написал четыре тома), но, с Божией помощью, я успешно ее завершил и 1 октября 1970 года в теплом малом актовом зале защитил ее.

Заседание Совета проводил ректор Академии владыка Филарет (Вахромеев). О его доброте, о его заботе о нас, преподавателях, свидетельствует весьма убедительно уже то, что он решением одного и того же заседания Совета Академии провел и присвоение мне степени магистра богословия, и звания профессора. Я всегда это вспоминаю с глубочайшей благодарностью.

Невзирая на доброту владыки ректора и моих коллег-учителей, я все же на предложение: «Пишите, профессор, докторскую диссертацию» – ответил: «Нет, не буду». Видимо, я достаточно устал, сидя за работой над магистерской диссертацией, да и поволновался во время защиты, потому и была такая реакция. Но прошло некоторое время, я собрал довольно много материала по истории Поместных Православных Церквей. Сбору материала содействовало то, что я с сентября 1966 года преподавал этот предмет в аспирантуре при Академии. По мере накопления материала созревала и мысль о докторской диссертации по моему предмету. Но охватить историю всех Поместных Православных Церквей было очень трудно, и я решил ограничить тему лишь историей Церквей, начиная по диптиху с Грузинской Православной Церкви и до последней – Американской. Прошло сравнительно немного времени в напряженных трудах – и 14 апреля 1978 года состоялась защита моей докторской диссертации.

День защиты был выбран новым ректором Академии архиепископом Владимиром (Сабоданом) очень удачно, это была пятница перед днем Похвалы Пресвятой Богородицы... Как легко и радостно я чувствовал себя во время пения академическим хором акафиста Божией Матери. Казалось, что каждое слово акафиста – мое, исходящее из моего бесконечно благодарного Заступнице Усердной сердца. В отношении защиты докторской диссертации следует отметить, что в те годы в Московской духовной академии существовала практика присваивать степень доктора только на основании отзывов официальных оппонентов и в результате дискуссии между членами Ученого Совета – без вызова на защиту соискателя. Защита могла проводиться только по

*Заседание Ученого совета
Московской духовной академии
1970-е годы*

желанию диссертанта. И владыка Владимир вызвал меня в свой кабинет, где и спросил о моем решении. Я сразу, нисколько не раздумывая, сказал: «Хочу, чтобы защита и голосование были тайными». Владыка ректор улыбнулся и ответил: «Так и будет».

Примечательно и весьма памятно то, что диплом доктора церковной истории вручил мне сам Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен в актовом зале Академии 15 июня 1978 года в день торжественного выпуска студентов Духовной академии и воспитанников Духовной семинарии. Я тоже почувствовал себя выпускником...

Конечно, я весьма благодарен администрации Академии, моим коллегам – прежде всего, владыке Владимиру и моим рецензентам: на магистерскую диссертацию – профессору Михаилу Агафангеловичу Старокадомскому (†1973) и профессору игумenu Марку (Лозинскому; †1973), на докторскую – доценту схииеромандриту Иоанну (Маслову; †1991) и профессору Борису Александровичу Нелюбову. Упокой, Господи, в Своих вечных обителях почивших; пошли, Господи, мир и благополучие живущим!

Сила молитвы

Во время написания и защиты моих работ меня укрепляла молитва. Моя кандидатская диссертация была посвящена раскрытию учения о молитве,

и поэтому, естественно, я не мог написать даже единой строки, не обратив свой взор к горнему миру. Магистерская диссертация вводила меня в богословие святого Афанасия Александрийского и постоянно понуждала быть в богомыслии. Перед моим письменным столом стояла икона святителя Афанасия, и всякий раз, прежде чем сесть за стол, я читал тропарь Святителю, и во время самой работы часто взывал к нему. Во время написания докторской диссертации о Поместных Православных Церквах молитвы мои еще более расширились, ведь я встречался с именами многих святых в каждой Церкви. И я молился и молился. Если я что-то сделал, так только помощью Божией, покровом Царицы Небесной, предстательством небожителей!.. Творил тайную, непрестанную молитву – и во время защит диссертаций и во время обсуждения возможности присуждения мне званий. Когда шла защита магистерской, я непрерывно читал молитву Иисусову: она краткая, и ее можно легко произносить, участвуя в дискуссии. При защите докторской – читал «Богородице Дево, радуйся», «Пресвятая Богородице, сохрани», «Да будет воля Божия во всем». После всякого события я спешил в Троицкий собор святой Лавры поклониться святым мощам преподобного и богоносного отца нашего Сергия, приложиться к иконам и помолиться: «Божия Матерь! Прости Свой вечный покров над alma mater!»